

Центр социальной истории Института всеобщей истории РАН
Междисциплинарный центр изучения истории, экономики и общества
Центр экономической истории
Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
Сектор этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН
Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН
Российская ассоциация исследователей женской истории

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

**ЕЖЕГОДНИК
2009**

Санкт-Петербург
«Алетейя»
2010

Работа над изданием велась при поддержке Программы фундаментальных исследований
ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Фонда
изучения исторической перспективы (Москва)

Редакционная коллегия:

Н.Л.Пушкарева (ответственный редактор),
Л.И.Бородкин, Х.Кесслер, И.Ю.Новиченко, А.В.Поletaев,
А.К.Соколов, К.М.Андерсон, М. ван дер Линден

Социальная история. Ежегодник, 2009. - СПб.: «Алетейя», 2009 - *** с.
ISBN

Сборник статей, российских и зарубежных авторов по различным проблемам социальной истории включает новые материалы и размышления, основанные на серьезных архивных изысканиях, в том числе в региональных архивохранилищах, дает представление об актуальных тенденциях развития социальной истории России и Европы, отражает современное состояние исследований в данной области.

В данный выпуск отобраны новые оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся работы. Читатель найдет в новом томе Ежегодника размышления исследователей, проанализировавших документы по истории семьи в раннее Новое время, истории повседневности, обнаружит яркие эссе по женской и гендерной истории России и Европы, а также социальной истории образования – об «учащих», учителях и учительницах, работавших в небольших провинциальных школах в конце XIX столетия. Специальные разделы посвящены социальной истории советского периода российской истории: борьбе с бюрократизмом «по-большевистски», взаимоотношениям личности и власти, истории коллективных ментальностей, социальной работы в предвоенные и особенно в послевоенные годы. Новое лицо данному выпуску ставшего уже известным издания придает немало число рецензий на книги и сборники, опубликованные в 2007 г. по проблемам социальной истории Отечества.

Сборник ориентирован на историков-исследователей, преподавателей, социологов, студентов, всех интересующихся социальной историей и, шире, гуманитарными проблемами современного мира.

УДК
ББК

© Коллектив авторов, 2009
© «Алетейя», 2008

РИТОРИКА И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ: СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, 1917–1930-Е ГОДЫ

П. В. РОМАНОВ, Е. Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

Эта статья предлагает читателю совершить экскурс в советское прошлое политики и практики социальной заботы; говоря словами Ф. Броделя, отправиться в «путешествие за пределами тех удобств и привычек, которыми нас щедро одаривает современная жизнь»¹. Бесплатное образование, общедоступное здравоохранение, социальные льготы, бывшие реальностью в нашей стране десятки лет, вызывают сегодня у многих, особенно у старших поколений, щемящую сердце ностальгию. От советской социальной политики мы унаследовали эгалитарные ценности, неприятие привилегий — во всяком случае, в риторике и, одновременно, «сильнейшее стремление иметь что-то недоступное другому, желая не просто купить это за деньги, но получить в виде признания своей особенности, выделенности из общего ряда»².

Советская власть сформулировала новые определения целевых групп и методов работы, социального гражданства и отношений между гражданами и государством. Конфигурация схем социального обеспечения менялась в зависимости от политической линии правительства, наличия или отсутствия сильных общественных организаций, роли женского движения. Усилия государства и его институтов были направлены на формирование нужной социальной структуры, соответствующего быта и идентичности людей. Однако законы и мероприятия возымели не только и не столько программируемые результаты, но и неожиданные последствия, и реализация этих планов была весьма противоречивой ввиду интерпретаций на разных уровнях, столкновений с реалиями и культурными практиками индивидов — как адресатов, так и агентов заботы и контроля. Эти задумки и интенции получали выражение на уровне конкретных практик повседневности, выражались в культурных репрезентациях, сохранившихся в самых различных документах и свидетельствах, в которых есть место и лозунгам, и газетным призывам, и сообщениям о повседневной жизни людей.

Эта статья посвящена социальной политике первых десятилетий Республики Труда, когда идеологии заботы и контроля выстраивались в соответствии с приоритетами индустриального роста, формулируя соответствующие определения нормы и отклонений³. В этой битве за нормальность создавались классификации достойных и недостойных, усиливалась риторика деления свой-чужой. Мы покажем, как эгалитарные социал-демократические принципы непротиворечиво уживались с консервативными

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. М., 2006. Т. 1. С. xxxviii.

² Якобсон Л. Социальная политика: консервативная перспектива, 2006. Доступно по адресу: www.polit.ru/lectures/2006/01/31/jacobson.html

³ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-е — 1930-е гг. СПб, 1999.

стратифицирующими ориентирами, а риторика социальной заботы сильно расходилась с практикой ее воплощения.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ПРОФЕССИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

История социальной политики и форм социальной помощи и поддержки в России XX в. пока еще не получила должного внимания со стороны отечественных исследователей: в отечественных учебниках по истории социальной работы изображение XX в. намечено пунктиром. Научные публикации на эту тему немногочисленны, концентрируются в основном на благотворительности и социальном законодательстве и носят по преимуществу описательный позитивистский характер.

Между тем, на рубеже XIX–XX вв. традиционные формы общинной поддержки бедных, организаций самопомощи и буржуазной филантропии в Западной Европе постепенно сменялись рационализированными, «современными», профессиональными формами социального обеспечения. Социальные контексты развития профессии в Западной Европе и США в XX в. — это развитие социальных идеалов демократии, распространение идеи интеграции бедных и социально уязвимых граждан в общество, определение юридического статуса для получения тех или иных форм социальной поддержки, борьба с предрассудками и дискриминацией.

И хотя сам термин «социальная работа» появился в России лишь в конце 1980-х гг., в течение всего XX в., практики социальной заботы и социального контроля осуществлялись разными профессиональными и квазипрофессиональными помощниками — воспитателями в молодежных и детских дворцах культуры и клубах, активистами женсоветов и профсоюзов, учителями в школах и воспитателями в детских домах и приютах, медсестрами или патронажными сестрами в поликлиниках, работниками органов внутренних дел. Принимая на себя высокие социальные обязательства при ограниченных ресурсах, государство постоянно расширяло категорию получателей социальной помощи, и на основе общего принципа государственной ответственности за поддержку дохода выстраивались новые схемы социальной защиты.

Если рассмотреть профессионализацию социальной работы в странах Северной Америки и Западной Европы, то можно отметить существование довольно четкой конвенциональной периодизации. При этом обсуждение ведется в рамках определенных соглашений относительно атрибутов профессии⁴. В частности, речь идет о теоретической подготовке, удостоверенной дипломом, а также самоорганизации, уполномоченной осуществлять контроль за деятельностью тех, кто работает от имени профессии. Периодизация социальной работы в международной перспективе включает следующие вехи: учреждение первых образовательных программ по социальной работе (конец XIX – начало XX в.), развитие теоретических подходов (начало – середина XX в.), создание ассоциаций (с конца XIX в.), пересмотр теоретических подходов и идеологии (1950–1970-е гг.),

⁴ См.: *Ярская-Смирнова Е. П.* Профессионализация социальной работы в России // Социс. 2001. № 5. С. 86–95; *Greenwood E.* Attributes of a Profession // M. Zald (Ed.). Social Welfare Institutions. London, 1965. P. 509–523; *Millerson G. L.* The Qualifying Association. London, 1964.

радикализация социальной работы (1960–1970-е гг.)⁵ и последующее снижение роли «политического компонента»⁶, формирование «национальных» моделей социальной работы, отвечающих моделям социальной политики, наконец, тенденция к объединению теоретических подходов, международная интеграция (европеизация и глобализация профессии), акцент на интеграции теории и практики.

История социальной работы в странах Восточной и Центральной Европы в целом развивается в том же направлении, за исключением того, что историография, касающаяся событий в этом регионе, свидетельствует о некотором разрыве в биографии профессии, начинающейся с 1945 года и оканчивающейся в разное время в зависимости от характера отношений с СССР⁷.

Судьба отечественной социальной работы не столь очевидно поддается аналогичной периодизации. По словам П. Томпсона, «[в]сякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей»⁸. Можно, например, вести отсчет с первой образовательной программы по социальной работе 1910 г., когда в Санкт-Петербургском психоневрологическом институте была открыта кафедра социального призрения⁹. Или отсчитывать возраст российской социальной работы с петровских указов начала XVIII в., и тогда, как свидетельствуют публикации и праздничные мероприятия, можно гордиться более чем 300-летней историей профессии¹⁰.

Социальная забота плотно окутывала общество, контролируя дела и помыслы советских граждан в течение семи десятилетий. Государство и разнообразные его агенты выполняли обоюдоострую задачу заботы и контроля на всех уровнях социальной жизни в обществе, которое постепенно продвигалось от жестких и избирательных схем социальной защиты и страхования к «светлому будущему» коммунистического благосостояния. Население смотрело на государство и его агентов одновременно как на источник благополучия и проблем.

Возникали изощренные механизмы распознавания «свой — чужой» (процедуры выяснения идентичности, анкеты, заполнение которых было необходимо для занятия

⁵ См.: *Reeser L. C., Epstein I. Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties and the Future.* New York, 1996.

⁶ Политическая работа – участие социальных работников в деятельности, ориентированной на социальное реформирование, влияние на общественное мнение, преодоление социального неравенства, разоблачение его структурных причин. Подразумевает работу в сообществе, группе, сотрудничество с общественными организациями, профсоюзами, лоббирование законов, участие в правозащитной деятельности для отстаивания социальной справедливости.

⁷ Например, в бывшей Югославии высшее образование по социальной работе было открыто в университете Словении с 1953 г., то есть сразу после политической дискуссии между руководством СССР и Югославии, завершившейся разрывом отношений между странами, тогда как в Венгрии и Чехословакии такие программы открылись лишь в 1980-е гг. См.: *Juhász B. The Unfinished History of Social Work in Hungary // History of Social Work in Europe (1900–1960): Female Pioneers and their Influence on the Development of International Social Organisations / Ed. by S. Hering and B. Waaldijk.* Verlag Leske und Budrich, 2003.

⁸ *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003. С. 13

⁹ *Гогель С.* Подготовка к благотворительности // Антология социальной работы / Сост. М.В. Фирсов. М., 1994. Т. 1. С. 178

¹⁰ История российских социальных служб: 300 лет: Хронограф / Под ред. В.И. Жукова, Г.Н. Кареловой. М., 2001.

какой-либо деятельностью), и, одновременно, значимыми регуляторами социального поведения стало массовое стремление избежать распознавания себя в качестве «чуждо-го» элемента, многообразные тактики ухода, сокрытия, мимикрии¹¹.

Советская история в чем-то соответствует общемировым процессам модернизации¹², но характеризуется уникальными чертами советского общества и идеологии, которые во многом определяли социальную политику советского государства с ее постоянно возрастающим государственным вмешательством в частную сферу, в быт, официальным контролем и поддержкой семьи, постоянным расширением льготных категорий и повышением числа получателей пособий, тенденцией к универсализации социальных гарантий. Поэтому задача состоит не столько в том, чтобы определить дефициты этой модели или подчеркнуть ее достоинства, а в том, чтобы выявить формы, принимаемые повседневной жизнью и субъектом модернизма¹³.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Обращение к истории советской социальной политики связано с нарастающим по своим масштабам переосмыслением российского прошлого в различных отраслях знания. Научные концепции, претендующие на целостное объяснение ранней советской истории, эпохи сталинизма, периода Хрущева или Брежнева, нередко оставляют вне поля зрения сферу социальной политики, в том числе, в отношении детей, инвалидов, женщин, бродяг, бездомных, «лимитчиков», сельских и городских бедняков — как особую область государственных притязаний и устремлений, идей и представлений, утвердивших на многие десятилетия вперед облик «советского человека». Между тем, для многих миллионов людей типичным был опыт социализации, характеризующийся включенностью в отношения заботы и контроля или, напротив, исключенностью из них. Социальная политика воплощалась и в идеологии и деятельности социальных институтов, в событиях и практиках, способах организации жизни, предпочтениях и убеждениях людей.

И хотя советская социальная политика не столь часто привлекает внимание историков, уже защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций. В них рассматриваются система социальной защиты, формы и особенности социального обеспечения, уровень жизни населения в тот или иной период в выбранном для исследования регионе. Как правило, эти работы написаны в объективистском ключе, традиционном для многих отечественных историков. Эта перспектива позволяет зафиксировать и описать исторические особенности и функции тех или иных институтов

¹¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. 2001; *Сокольская Н. Ф.* Рецензия на книгу Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s.* Oxford, 1999 // Портал Auditorium.ru. 2002 http://www.auditorium.ru/p/index.php/index.php?a=presdir&c=getForm&f=resDesc&id_res=1851&PHPSESSID=3dc75e4b9921ee5403cdfc2a57be9a2c; *Козлова Н.* Советские люди: Сцены из истории. М., 2005

¹² *Соколов А. К., Тяжельникова В. С.* Курс советской истории, 1941–1991. М., 1999.; *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М., 2005.

¹³ *Kiaer Ch., Naiman E.* Introduction // *Everyday Life in Soviet Russia. Taking the Revolution inside* / Ed. by Ch. Kiaer and E. Naiman. Bloomington and Indianapolis, 2006. P. 4.

социальной заботы, государственных мер социальной политики. А противоречия и взаимосвязи между так называемыми фактами-событиями, статистикой, нормативным контекстом и идеологией, с одной стороны, и повседневными практиками и биографическими ситуациями простых людей, с другой стороны, остаются наиболее интересной, но наименее раскрытой областью анализа.

Отметим, что в обсуждении истории советской социальной политики есть и терминологическая проблема — в советской историографии как и в других социальных науках в СССР, термин «социальная политика» практически не использовался до 1960-х гг. Это связано, с одной стороны, с установками советской идеологии, нашедшими выражение, в частности в работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой фактически был снят с повестки дня вопрос о социальных проблемах, поскольку удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей увязывалось с непрерывным ростом и совершенствованием производства¹⁴. Дискуссия о социальных проблемах автоматически переводилась в плоскость «отдельных трудностей», а обсуждение эволюции, динамики их развития, как и способов их разрешения оказалось возможно лишь в контексте критики западного образа жизни, капиталистической государственной политики. Среди более употребимых понятий, близких к рассматриваемому дискурсивному полю, — «забота», «организация работы», «опыт работы» (с правонарушителями, сиротами, женщинами, инвалидами), «государственный контроль» и «народный контроль». Дискурсивное пространство между руководящими полюсами «заботы» и «контроля» было наполнено практической деятельностью партийных и советских органов, а также «общественности». Эпизодические публикации, в которых фигурирует термин «социальная политика», появляются с конца 1970-х, а с 1980-го г. наблюдается вспышка интереса к этой проблематике, и термин используется все чаще и чаще, причем в контексте описания (нередко хвалебного свойства) текущей деятельности КПСС по повышению благосостояния, сближению города и села, развитию социалистического образа жизни. Исследования советских авторов в основном осуществлялись в русле функциональных интерпретаций тех или иных институтов и мер, способствующих повышению благосостояния советского народа¹⁵. Для современных отечественных историков область социальной политики и ее воплощений в культуре повседневности пока остается чем-то чужеродным («это вам надо к социологам, они занимаются социалкой»), — сказал нам профессор истфака одного госуниверситета в Поволжье).

Как самостоятельное направление исторический анализ социальной политики в постсоветской России определился сравнительно недавно, и пока в нем преобладают социологи и социальные антропологи, философы¹⁶, авторы, специализирующиеся в области социальной работы. Отметим, что некоторые учебные пособия по истории

¹⁴ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

¹⁵ Потков В. Д. Социальная политика Советского государства и право. М., 1979.

¹⁶ Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005; Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М., 2005; Богданова Е. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1. С. 77 — 90.

социальной работы принимают как должное и воспроизводят исторически сложившиеся и уже не замечаемые отношения неравенства между доминирующими этническими группами и меньшинствами. Между тем в постсоветском контексте необходим пересмотр формата обсуждения, сложившегося в царской, в последующем — советской, традиции, где российское представлено как синоним русского (пример такой традиции — формирование концепта «единая общность советский народ»). В условиях постсоветской демократизации возникли и развиваются такие исторические исследования, где различия и взаимовлияния этнических традиций перестают быть фигурой умолчания.

Речь идет об игнорировании культурного многообразия, несбалансированной репрезентации какой-либо одной (как правило, доминирующей) религии, культурной традиции. Отсутствие этнического разнообразия в этом случае означает негласное символическое закрепление властных позиций доминирующей группы. В частности, учебные пособия по истории социальной работы¹⁷ представляют довольно типичный метанарратив, который способствует формированию монокультурной профессиональной идентичности: здесь эволюция общинной, церковной и государственной социальной поддержки, начавшись со славян-язычников, наблюдается по делам православной церкви и монастырей в течение дальнейшего периода вплоть до социалистической революции. Культурные различия в связи с этничностью или конфессией не просматриваются и в описаниях советской истории социального обеспечения. Впрочем, историки предпринимают усилия уйти от господства макронарративов в направлении анализа культурного разнообразия социальной политики с опорой на локальные реалии российской истории, культуры и социального опыта¹⁸.

Важную перспективу анализа представляет гендерный подход в истории¹⁹. Гендерный анализ истории социальной политики позволяет осуществить критический разбор современных институтов государственного управления социальной сферой, в том числе социального обеспечения, семейной политики, занятости, здравоохранения. Такой анализ дает не только новые знания в сфере социальной политики, но и возможность проникнуть в суть социальной работы с критических позиций, а также предоставляет исследовательские данные и инструменты, необходимые для того, чтобы осуществить значительные улучшения практики социального обслуживания. Ведь как история, так и современное состояние социальной политики в России и за рубежом предоставляют множество доказательств того, что гендерные проблемы в сферах здравоохранения, жилищной политики, пенсионного обеспечения, политики занятости, охраны материнства и детства, семейной политики зачастую недооцениваются или игнорируются. Следует отметить, что данный подход в отечественной историографии социальной работы представлен довольно маргинально: лишь иногда

¹⁷ *Фирсов М.В.* История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001; *Мельников В.П., Холостова Е.И.* История социальной работы в России: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2002.

¹⁸ *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

¹⁹ См.: *Пушкарёва Н.Л.* Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; *Пушкарёва Н.Л.* Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187.

в сборниках можно встретить статьи о роли женщин в развитии дореволюционной благотворительности²⁰, а учебная литература данные вопросы оставляет в стороне.

Между тем история социальной политики, социальной работы более полно была бы представлена с учетом деятельности женского движения конца XIX – начала XX в., роли женских организаций в советское время, а также с акцентом на идеологии гендерного равенства при социализме. И хотя мы находим упоминание персонажей, обладающих гендерной спецификой, в цитате из указа Елизаветы Петровны, где говорится о «бродящих нищих мужеска и женска полу»²¹, – оно не носит здесь никакого функционального характера. История социальной работы в России в изложении Е. И. Холостовой и В. П. Мельникова в одном из параграфов освещает влияние императрицы Марии Федоровны на развитие филантропии. Кроме того, в пособии упоминается организация в конце XIX в. специализированных мастерских для женщин. Однако и здесь опыт мужчин и женщин, различия в характере отношений с институтами социальной защиты в фокус внимания автора не попадают.

В «Истории социальной работы» К. В. Кузьмина и Б. А. Сутырина²² социальная работа показана в роли общественного амортизатора, который необходим для поддержания равновесия и стабильности. Следует сказать о важном проекте под руководством М. В. Фирсова²³, в результате которого в нескольких томах переизданы собрания ряда документов и научных публикаций советского времени по тематике социальной помощи, социальной политики и социального законодательства.

Труды советологов до 1980-х гг. направлялись либо симпатией к марксизму, объясняя экономическими условиями любые политические изменения, либо приоритетами холодной войны, представляя модель тоталитарного общества²⁴. Все эти модели, как и некоторые политологические теории среднего уровня, не позволяли проанализировать противоречия развития советской социальной политики, поскольку принимали по умолчанию существование тех или иных социальных условий, полагая социальную проблему объективным фактом. Например, американская исследовательница, чьи труды считаются сегодня классикой социальной политики, Бернис Мэдисон рассматривает институциональную организацию и идеологию советских учреждений социального обеспечения²⁵. Этот тип анализа является достаточно типичным для советологии того периода, когда авторы находились во многом под влиянием левых идей

²⁰ См.: *Постернак А. В.* История общин сестер милосердия // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 311–318.

²¹ *Фирсов М. В.* История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 108.

²² *Кузьмин К. В., Сутырин Б. А.* История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.; Екатеринбург, 2002.

²³ Антология социальной работы. Т. 1–3. Социальная политика и законодательство в социальной работе / Сост. М. В. Фирсов. М., 1994–1995.

²⁴ См. об этом: *Manning N., Davidova N.* Russia: revolution or evolution? / Pete Alcock and Gary Craig (eds) // *International Social Policy: Welfare Regimes in the Developed World*. London, 2001. P. 203–220.

²⁵ *Madison B.* Contributions and Problems of Soviet Welfare Institutions // *Social Problems*. Vol. 7. № 4. Symposium on Social Problems in the Soviet Union (Spring, 1960). P. 298–307; *Madison B. Q.* Social welfare in Soviet Union. Stanford, 1968.

и симпатий, с одной стороны, критикуя, а с другой — усматривая в советском опыте с его коллективистскими идеями, культом труда, добровольчества явную альтернативу западному социальному обеспечению. При всех ограничениях такое исследование является ценным свидетельством преемственности западноевропейской и американской исследовательской традиции, впитавшей многие советологические идеи 1960-х гг.

После холодной войны появились публикации, поместившие ранний советский и сталинский опыт в рамки панъевропейского процесса государственного интервенционизма, укорененного еще в Просвещении²⁶. Концентрируясь на культуре и комплексном понимании цивилизации, их авторы представили новые взгляды и открытия в жизни советских людей разнообразных стран²⁷. Исследовательница советской истории Ш. Фицпатрик создала историко-антропологическую картину повседневной жизни *homo sovieticus*, для которых СССР был, по ее мнению, чем-то средним между школой, казармой и благотворительной столовой²⁸. Н. Мэннинг, В. Джордж, Н. Давыдова предлагают проводить сравнительный хронологический анализ того, какие группы акторов отвечали в советской истории за определение социальных проблем, внедряясь в публичные дебаты или иницилируя их, чтобы отстоять свои интерпретации причин и решений проблемы²⁹. А привлечение перспективы культуры повседневности позволяет открыть дополнительные важные ракурсы в исследованиях истории социальной политики³⁰.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Перспектива истории повседневности, микроуровень анализа социальной реальности советского времени сегодня привлекает все больший интерес исследователей³¹. От иных историков доводится слышать, что такой подход-де, является социологическим. Но герменевтическая традиция изучения биографий, устных историй, нарративов, как и изучение истории повседневности не имеет дисциплинарных границ. И хотя для обозначения методологической рамки и применяется термин «социальная история» или «культурно-антропологический подход к истории», речь идет о парадигме, а не области знания. Ведь «социальной» или «социокультурной» может быть и история техники! И среди социологов, и среди историков, и среди антропологов есть

²⁶ *Husband W.* Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930 (review) *Journal of Social History*. Vol. 40. № 3. Spring 2007. P. 795–797.

²⁷ *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

²⁸ *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

²⁹ *George V., Manning N.* Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. London, Boston and Henley, 1980; *Manning N., Davydova N.* Russia: revolution or evolution? / Pete Alcock and Gary Craig (eds) // *International Social Policy: Welfare Regimes in the Developed World*. London, 2001.

³⁰ См.: *Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // *Советская социальная политика 1920х-1930-х годов: идеология и повседневность*. М., 2007. С. 21–67.

³¹ *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 / РАН. Ин-т рос. истории. М., 2000; *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевских реформ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; *Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945* / Сост.: А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2003.

совершенно разные методологические предпочтения. Например, то, как использовать и трактовать найденные в архивах или публикациях факты и полевые данные, зависит от перспективы, в которой работает ученый. Другое дело, что именно историки вносят серьезный вклад в институционализацию нового направления или подхода, учреждая новые ежегодники, отделы в научных институтах, публикуя учебные и научные труды, переводы ключевых работ по методологии истории повседневности, микроистории³².

Многие из современных социальных проблем, нередко принимаемых по умолчанию, ставших привычным фоном нашего времени, пересматриваются, а способы их решения переоцениваются в результате внимательного взгляда на не столь далекое прошлое. То, какими способами государство контролирует и заботится о человеке, и те ответные реакции, какими человек, сообщество откликаются на эти способы контроля, составляют микроуровень социальных взаимодействий и создают основной предмет внимания в перспективе феноменологического подхода к истории. Анализируя контекст, в котором были сняты образы, написаны тексты, рассказаны истории, можно приобрести более глубокое понимание идеологий и конкретных социальных практик. Исторический контекст социальной проблемы и способов ее решения — это социальное содержание «того времени», знания, ценности, навыки и повседневный жизненный опыт как тех, кто нуждается в помощи и «отклоняется» от норм, так и тех, кто следит за выполнением правил и предоставляет услуги. Ряд публикаций в этом ключе появились в результате инициатив Центра социальной политики и гендерных исследований в рамках проектах «История социальной работы в Восточной Европе» (при поддержке Фонда Фольксваген в 2003–2005 гг.)³³, «Социальная политика в контексте трансформаций российского общества: идеологии и реалии социальных реформ» (при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в 2006–2007 гг.)³⁴. Эти исследования посвящены разнообразным аспектам социальной заботы и социального контроля: (пере)воспитание, социальная гигиена, социальное обеспечение, образование, жилье, инвалидность, детство, питание, сексуальность, материнство. Идеология, культура и политика — это контекстуальные факторы понимания социальных проблем идеологий социальной политики и практик социальной заботы. Поэтому анализ основывается на критическом прочтении архивов, провинциальных газет, официальных документов и сценариев постановок рабочих театров, научных публикаций и плакатов.

³² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебное пособие / Под. общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004.; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1989–1999. М., 1999. С. 77–100; Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Под ред. И. Ю. Новиченко, А. К. Соколова. М., 2008. С. 9–54; Социальная история: Ежегодник. М., Выпуски 1998–2008.

³³ См.: Журнал исследований социальной политики. История социальной работы. Том 3. № 2. 2005; Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.

³⁴ См.: Журнал исследований социальной политики. Ретроспектива социальной политики. Том 5. № 4. 2007. Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007; Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2008.

ОТ МИЛОСЕРДИЯ К НАУЧНОМУ УПРАВЛЕНИЮ: УТОПИИ И РЕАЛИИ ПЕРВОГО ЭТАПА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1917–1921)

Первый этап советской социальной политики с 1917 по 1921 гг. В. Джордж и Н. Мэннинг называют *утопическим*³⁵. В этот период социальные проблемы рассматривались как следствие войны и несправедливого устройства общества при капитализме. Советская власть, делая первые шаги в экономической и социальной политике, столкнулась с необходимостью быстрых социальных изменений в условиях слабой социально-экономической базы реформ, подавляющей неграмотности населения, широкого распространения эпидемий холеры, тифа, гриппа. На борьбу с этими и другими проблемами были мобилизованы массовые добровольные движения, новые формы организации добровольчества, но достичь удавалось немногого, изменения происходили медленно.

30 октября 1917 г. Народный комиссариат труда опубликовал правительственное сообщение, где закладывались принципы всеобщности страхования, самоуправления рабочих в страховых органах, максимально возможного уровня материального обеспечения рабочих и членов их семей по всем видам страхования. Социальные гарантии рабочих получали подкрепление в рамках переориентации индустриального управления — экспериментов по усилению самоуправления на предприятиях, распространение рабочего контроля. Несмотря на принцип всеобщности, большинство населения — крестьяне — в тот период были полностью исключены из схем страхования и социальной защиты. Вслед за этим вышел целый ряд декретов, в том числе с декабря 1917 г. были назначены страхование по безработице, беременности и болезни. Эти выплаты предназначались трудящимся и должны были финансироваться работодателем.

С началом гражданской войны стратегия постепенного реформирования уступила место принципам военного коммунизма (с июня 1918 г. по декабрь 1920 г.). Большевики шли на жестокие санкции против рабочих и служащих в стремлении установить контроль над производством и потреблением в полном соответствии с идеями В. И. Ленина о рациональном управлении государством. В работе «Государство и революция», написанной в сентябре 1917 г., Ленин представил рациональное государственное управление как обширный национальный синдикат, техническую сеть, в ячейках которой заключены рабочие, приученные к порядку рациональностью и привычной дисциплиной³⁶.

В попытке сохранить лояльность и поддержку крестьянства в гражданской войне, правительство в это время существенно расширяет концепцию социального обеспечения как в терминах рисков, так и групп населения, включив в число реципиентов и крестьян. Кроме того, проблематизируются и все основные типы рисков — безработица, болезни, беременность, инвалидность, старость, вдовство и расходы на похороны. На деле же приоритет социальной защиты отдавался красноармейцам и семьям погибших на фронте³⁷.

Неравенство переопределялось, в том числе, и путем создания новых, советских условий, номенклатуры, имеющих особые привилегии в рамках риторики всеобщности. Советская социальная политика была, с одной стороны, эгалитарной, близкой к соци-

³⁵ George V., Manning N. *Socialism, Social Welfare and the Soviet Union*. London, 1980.

³⁶ Ленин В. И. *Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции* // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 33. 5-е изд. М., 1974. С. 102.

³⁷ George V., Manning N. *Socialism, Social Welfare and the Soviet Union*. P. 35–36.

ал-демократическому типу, с другой стороны, активно стратифицирующей, близкой к консервативному режиму³⁸. Стратификация основывалась на принадлежности к номенклатуре, а также причастности к системе распределения благ, к высоким стандартам потребления: удобному жилью, качественным товарам и услугам. К нижестоящим социальным слоям в рамках рассматриваемого периода — то есть с 1917–1940 гг., наряду с проститутками и преступниками относилась и большая группа «бывших», «чуждых» элементов — представителей социальных элит дореволюционной эпохи и «врагов народа». Возникли изощренные механизмы распознавания своих-чужих и одновременно многообразные тактики ухода, сокрытия, мимикрии³⁹.

В дореволюционной России были учреждены курсы подготовки в области социального призрения, существенную роль продолжали играть негосударственные организации. В советское время обучение социальной работе продолжилось: например, в 1920-е гг. организовывались курсы «для подготовки работников Собеза и ознакомления с нормами и порядком социального обеспечения трудящихся»⁴⁰, где в числе слушателей ожидалось работники профсоюзов, партийных организаций, «близких к массе трудящихся по найму». Среди двадцати слушателей лектория Саратовского Губсобеза в декабре 1920 г. было 15 женщин, работавших конторщицами, счетоводами, машинистками, секретарями⁴¹. В том числе в лекциях освещались такие темы: «Развитие социального страхования в Западной Европе», «История социального страхования в России», «Творчество Советской власти в области социального страхования»⁴². Речь велась о содержании законодательства и полномочиях органов власти. Программа лекций «по утилизации и восстановлению неполного труда» включала несколько социологических тем, в том числе: «История развития проституции: капитал, собственность и класс», «Нищенство и борьба с ним»⁴³.

Марксистское объяснение социальных проблем делало акцент на социальном неравенстве, бедности, неграмотности как факторах высокой детской смертности, неравноправия женщин и мужчин. Масштаб желаемых социальных изменений зависел от широкого вовлечения населения в массовые компании, мобилизации добровольцев на решение социально значимых задач. Одним из проектов социального инжиниринга того времени является «социальное материнство», т. е. вовлечение государства и общества в решение проблем семьи⁴⁴. Была создана соответствующая законодательная база и институциональная инфраструктура для реализации новой политики, использовались широкие возможности пропаганды⁴⁵. Работницам в соответствии с законодательством

³⁸ *Яacobson Л.* Социальная политика: консервативная перспектива, 2006. Доступно по адресу: www.polit.ru/lectures/2006/01/31/jacobson.html.

³⁹ *Fitzpatrick S.* *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s.* Oxford, 1999.

⁴⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 339. Оп. 4. Д. 212. Л. 31.

⁴¹ Там же. Л. 107.

⁴² Там же. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 12.

⁴⁴ См. например: *Goldman W. Z.* *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936.* Cambridge, 1993.

⁴⁵ *Градскова Ю.* Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.:* Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 298–312.

обещаны отпуск и финансовая поддержка в связи с рождением и уходом за ребенком, право на получение алиментов через суд в случае отказа отца от «материального обеспечения» ребенка и право на аборт по желанию женщины, а также ограничение женского труда на вредном производстве.

Нормы и аномалии общественной жизни: второй период советской социальной политики, 1921–1927

В так называемый *урбанистический* период социальной политики (1921–1927 гг.), в ходе осуществления новой экономической политики наметился возврат к более реалистичным программам социальной политики. С улучшением экономических условий доктрина социальной защиты все более сочеталась с ее практикой, по крайней мере, в отношении трудящихся. Постепенно охват страхованием возрастал, и это происходило отчасти благодаря законодательному расширению схемы страхования и возрастанию рабочей силы как таковой ⁴⁶.

Для 1920-х — середины 1930-х гг. был характерен конфликт ценностей по поводу определения социальных проблем. Налицо явный сдвиг от борьбы с объективными условиями (гражданская война) к борьбе со стигматизированной проблемной группой (кулаки). Определение проблемных групп оправдывало применение насилия, ведь просвещение вряд ли бы произвело необходимые изменения с желаемой скоростью ⁴⁷.

Политика классификации более достойных и менее достойных трудящихся формировалась с учетом приоритетов функционирующего в тот период рынка труда. Если по законодательству 1918 г. пособие по безработице было доступно всем безработным, то после декрета 1921 г. его полагалось выдавать только квалифицированным работникам, у которых не было других средств к существованию, и неквалифицированным работникам с трехлетним стажем работы. Последнее требование в те годы исключало огромную массу безработных из числа получателей пособия. Заболевшие оказывались в более выгодных условиях, чем безработные и инвалиды. В 1924–1928 гг. ежемесячные пенсии составляли от 31 до 36 % от средней оплаты труда, а пособия по временной нетрудоспособности достигали 95 % от среднего заработка⁴⁸.

Идеалы и нормы государственной идеологии проникали внутрь человеческой жизни, нацеливаясь, в первую очередь, на женщин и семью, фокусируясь на задачах модернизации. Эмансипация работниц и крестьянок, пропаганда личной, домашней и общественной гигиены, коллективизация присмотра за детьми, приготовления и потребления пищи, — все это относилось к элементам нового быта, к социально-инженерным идеям и практикам, которым не так-то просто проникнуть в жизнь людей сверху вниз, будучи навязанными государством⁴⁹. А к середине 1930-х гг. понятие нового быта было трансформировано в параллельное, но фундаментально отличное понятие культурности, или культурной жизни, относящееся к частной жизни и практикам потребления как пути к современной, рациональной, культурной и советской повседневной жизни. И новый быт, и культурность стали идеологиями повседневной

⁴⁶ George V., Manning N. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. P. 38.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ *Ibid.* P. 35.

⁴⁹ См.: *Троцкий Л.* Чтобы перестроить быт, надо познать его // Вопросы быта. М., 1923. С. 41, 54.

жизни, используемыми советской властью в качестве средств производства новых советских людей. Поэтому кампаниям по пропаганде новых идей и знаний отводилась особо важная роль в политике социального материнства. Профсоюзные организаторы и работницы женотделов вели работу среди женщин в форме лекций, бесед, беспартийных конференций, поясняя новые возможности, открывшиеся советским законодательством: женщины получили право на труд наравне с мужчинами, в том числе страхование по болезни, равную минимальную зарплату, ежегодный оплачиваемый отпуск. Тогда был создан образ новой советской женщины, определены ожидаемые от нее обязанности работницы и матери.

Однако между революционной риторикой гендерного равенства и практикой ее воплощения существовал значительный разрыв. Это было связано с недостатками законодательства, устойчивостью традиционных практик поведения и установок населения, а также с отсутствием у государства ресурсов для освобождения женщин от «кухонного рабства». Ясли или детский сад открывались при профсоюзе или отдельном предприятии, но мест в них катастрофически не хватало, да и не были созданы нормальные условия для полноценного развития подрастающего поколения — ни физического, ни нравственного⁵⁰. Показательным, с этой точки зрения, является протокол собрания служащих Приемника Дома Младенцев от 02.07.1921 г., где перед выборами делегатов был заслушан доклад представительницы 4-го Райкома «О значении женщины в государстве»⁵¹.

На предприятиях в первой половине 1920-х гг. часто не соблюдались правовые нормы в области охраны труда беременных и кормящих грудью женщин, условия труда зачастую не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Приведем еще один парадоксальный пример. В том же Приемнике несколькими месяцами раньше проходило собрание служащих, на котором были заслушаны доклады о домкомах и о борьбе с холерой. После лекций прачки Дома Младенцев заявили:

«...О противогигиенических условиях, в которых им приходится работать, а также они обратились с просьбой к Месткому походатайствовать перед Завхозом о выдаче им во временное пользование обуви, т.к. пол в помещении прачечной очень холодный и стирать босыми невыносимо»⁵².

Просвещение направлено на формирование потребностей, направляя и дисциплинируя их, но слабо согласовано с теми структурными условиями, в которых находится аудитория. Впрочем, изменить условия было далеко непросто. Делегатки при поддержке женотделов предпринимали усилия к улучшению санитарно-гигиенической обстановки, но коренным образом изменить ситуацию они не могли. Инспекции труда, профсоюзам часто приходилось сталкиваться со случаями увольнения беременных женщин с производства и требовать восстановления их на работе. Еще одним фактором гендерного неравенства в области трудовых отношений была низкая квалификация женщин, соответственно, и заработная плата была у них существенно ниже, чем у квалифицированных рабочих. Отметим, что на I Международной

⁵⁰ Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917–1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С. 226–246.

⁵¹ ГАСО Ф. 72. «Фракция ВКП(б) Саратовского Губотдела «Медсантруд» 1919–1930 гг. Д. 1. Л. 6.

⁵² Там же. Л. 7.

конференции по социальной работе в Париже в 1928 г. Народный комиссар здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко выступал с докладом под названием «Социальная работа в Союзе Советских Социалистических Республик»⁵³, однако в самом тексте доклада употребляется только термин «социальная помощь» (social relief), которая отличается автором от понятия «социального страхования»⁵⁴. Роль социальной работы за отсутствием соответствующей терминологии сводится к социальной помощи. Но система социальной заботы и контроля достраивается институтами занятости, здравоохранения, образования и культуры.

«СОГРЕТЫЕ СТАЛИНСКИМ СОЛНЦЕМ».

УЖЕСТОЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1930-х ГОДОВ

За нэпом последовал Первый пятилетний план, с его жестким креном в направлении индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. С началом первой пятилетки и на протяжении всей эпохи сталинизма, или промышленного периода (1927–1953 гг.) курс социальной политики подчинился вектору быстрого индустриального роста, который позволял наращивать промышленную и оборонную мощь режима. Формы социальной политики были тесно связаны с политикой стимулирования трудовой деятельности, играя важную роль не только в улучшении трудовой дисциплины, но и в поощрении роста производительности труда.

Выплата пособий по-прежнему определялась конкретными условиями занятости. Приоритетными группами выступали дети и рабочие, особенно те, кто был занят в ключевых секторах экономики, в особенности — труженики со стажем и передовики производства. В целях быстрого промышленного роста необходимо было обеспечить постоянный прирост рабочей силы. Это, прежде всего, достигалось отменой пособия по безработице в 1930 г. В 1938 г. отпуск по беременности и родам сократился с 16 до 9 недель. Поощряли продолжать трудиться и пожилых пенсионеров, позволяя им сохранить часть своей пенсии, а с 1938 г. — и всю пенсию в дополнение к их зарплате (впрочем, пенсии съедались инфляцией).

Те трудовые ресурсы, что не находили себе применения в данный конкретный момент, по сути, оставались активной рабочей силой завтрашнего дня. Безработные, подрастающее поколение, женщины, инвалиды, нарушители, пусть аномальные, но находившиеся в исправимом положении... Они были «резервной армией труда» — их статус определялся не тем, чем они являлись сейчас, а тем, чем они готовы были стать, когда придет их время⁵⁵. И хотя «резервисты» не могли быть досыта накормлены, все же им, согласно приписанной категории, доставались крохи социальной заботы.

Стремясь решить одни социальные проблемы, государственная социальная политика обостряла другие: так, попытки совладать с безработицей осуществлялись посредством социального исключения⁵⁶. В начале пути становление советского госу-

⁵³ *Semashko N.* Social work in the Union of Soviet Socialist Republics // First International Conference of Social Work, Paris, July 8th – 13th 1928. Vol. 1. Paris, 1929. Pp. 533–545.

⁵⁴ *Ibid.* Pp. 546–554.

⁵⁵ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 89–103.

⁵⁶ См. напр.: *Caroli D.* Bolshevism, Stalinism and Social Welfare // *International Review of Social History.* Vol. 48. 2003. Pp. 27–54.

дарства всеобщего благосостояния шло по стопам борьбы, организованной рабочим движением, требовавшим улучшить законы о страховании. Но вскоре после социалистической революции на первое место вышли интересы политического истеблишмента покончить с инакомыслием и обеспечить постоянный приток трудовых ресурсов, держать их в постоянной готовности⁵⁷. Быстро изменилось лицо профсоюзного движения, которое вначале еще балансировало между интересами рабочих и производства, но уже в 1920-е гг. слилось с менеджментом.

Не получив ответов на свои вопросы, оставшись за бортом заботы, люди находили альтернативные способы для выражения их чувств и удовлетворения потребностей. В ответ государство предпринимало жесткие санкции. Всякого рода «паразитизм и тунеядство» подлежали искоренению, и всякого, выбившегося из трудовой колеи, необходимо было вернуть в трудовую жизнь.

В том числе, это касалось и инвалидов. В 1931 г. степень инвалидности определялась по возможности или невозможности выполнять трудовые, профессиональные обязанности. В качестве важнейшей задачи органов социального обеспечения провозглашается активная плановая работа по рационально обоснованному трудоустройству, обучению и переобучению инвалидов, вырабатываются показатели распределения инвалидов по предприятиям. Работа эта осуществлялась путем существовавших еще с 1920-х гг. специализированных артелей и кооперативов, бронирования рабочих мест (преимущественно для инвалидов гражданской войны низших групп инвалидности) и деятельности специальных советов по трудоустройству инвалидов в областях, районах, городах. Но и с этой группой граждан работа проводилась с применением классового подхода: «Нельзя трудоустроить и обучать инвалидов, принадлежащих к социально-чуждым элементам. К числу таких относятся инвалиды белых армий, кулаки, бывшие фабриканты, помещики, жандармы и т. д.»⁵⁸.

Если в 1920-е гг. консенсуса ценностей не наблюдалось, но происходил поиск и обвинение проблемных групп, то в 1930–1940-е гг. при Сталине утвердился ценностный консенсус, в качестве виновников выступали «вредители», разного рода нарушители трудовой дисциплины, «враги народа»⁵⁹. Предложение и дисциплина рабочей силы была главной проблемой, и все, что тормозило ее решение, рассматривалось как девиация. Для предотвращения сопротивления вырабатывались новые трудовые навыки, соответствующие дисциплине труда и подкрепленные дифференцированными формами оплаты труда и социальных гарантий. С 1927 г. отсутствие на рабочем месте без уважительной причины (болезнь, удостоверенная медицинской справкой) могло привести к увольнению, выселению с жилой площади, предоставленной предприятием, потере других привилегий работника.

Правила, в соответствии с которыми работник мог претендовать на социальную защиту, оплату больничного, постоянно ужесточались. В 1938 г. работникам были выданы трудовые книжки, при помощи которых отслеживался трудовой путь работника, его или

⁵⁷ *Koenker D. P. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca and London, 2005.*

⁵⁸ *Вержбиловский П. В помощь низовому работнику социального обеспечения. М., 1934 // Антология социальной работы: В 5 т. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе / Сост. М. В. Фирсов. М., 1995. С. 359.*

⁵⁹ *Manning N., Davidova N. Russia: revolution or evolution? P. 208.*

ее прикрепление к конкретному предприятию. Социальное страхование вносило вклад в эту политику: пособия дифференцировались в зависимости от стажа, а в некоторых случаях важным критерием становилась непрерывная занятость на одном и том же предприятии. К концу 1930-х гг. непрерывный трудовой стаж стал на некоторых предприятиях главным условием объема страховки, получаемой работником. «Летуны и прогульщики» должны были «не только подвергаться наказанию по суду, но и исключаться из рядов ВКП(б) или из рядов ВЛКСМ, как злостные нарушители государственной и партийной дисциплины». Наказывали и директоров предприятий, начальников учреждений, «пустительствующих прогульщикам, спасающих их под разными предлогами от отдачи под суд»⁶⁰. Пик ужесточения контроля относится к 1940 г., когда работник, покидающий свое рабочее место без разрешения, мог быть привлечен к суду и отправлен в тюрьму⁶¹.

Как уголовная ответственность, так и социальное страхование в 1930-е гг. были организованы в соответствии с экономическими приоритетами правительства. Люди, занятые на производстве, центральном для выполнения пятилетнего плана, или в отраслях, связанных с риском, могли получать более высокие выплаты, но в любом случае приоритетным правом на оплату и больничного, и декретного отпуска, и пособия, и пенсии обладали те, кто у кого был непрерывный стаж установленной длительности, члены профсоюза, работники, соблюдающие жесткую трудовую дисциплину.

Впрочем, эти блага никак не распространялись на уникальных специалистов, инженеров и ученых, работавших еще с середины 1920-х в заключении, чей труд использовался в «шарагах» — научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро за колючей проволокой⁶², геологов, занимавшиеся разведкой недр в многочисленных ГУЛАГах. В отношении же крестьян в 1930-е гг. осуществлялась и вовсе антисоциальная политика. Даже в качестве трудового резерва они не ценились. В докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось, что из-за низких норм снабжения среди спецпереселенцев в Уральской области и Северном крае начались случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, кошек, собак и трупов падших животных, резко, до 50 % увеличилась заболеваемость и росла смертность, имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность. Истощенные спецпереселенцы «не в состоянии выработать норму, а в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся вовсе нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода спецпереселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...»⁶³. Морозы, болезни, голод, неустроенность жилищ,

⁶⁰ Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» от 28 декабря 1938 г.

⁶¹ Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 31 июля 1940 г.

⁶² Циркуляр Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного политического управления от 15 мая 1930 года «Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство».

⁶³ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 11.

отсутствие средств к существованию были причиной гибели десятков и сотен людей, в том числе женщин и детей, в иных случаях являвшихся объектами государственной заботы. Но в этом случае логика была иная: ведь чем невыносимей участь «чуждых элементов», изгоев, тем лучше выглядит судьба всех остальных⁶⁴.

Акцент на быстрой индустриализации означал обострение проблемы притока рабочей силы, потребность в которой удовлетворялась за счет женщин и крестьян. Такая неопытная, необученная и недисциплинированная рабочая сила участвовала в расширении промышленного производства. Советская власть оказалась перед необходимостью принять срочные меры по ликвидации неграмотности, распространению профессиональных навыков среди больших групп выходцев из деревни, привить им нормы индустриальной субкультуры. Социальное страхование использовалось как орудие борьбы с «дезорганизаторами» и как воспитательное средство привлечения рабочих к их предприятиям, в особенности, перековки нового пополнения из числа крестьян, которым вменялись в вину «собственнические настроения», проявлявшиеся в требовании высокой оплаты, хорошего снабжения, приличного жилья. Их следовало переориентировать на осознание необходимости наращивания производительности труда, создания важнейших отраслей индустрии, а в связи с этим и привязанности к предприятию в существующих условиях.

Равноправие женщин и мужчин постоянно переопределялась для нужд экономической политики, а риторика нередко радикальным образом расходилась с практикой. Ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б), рассматривая вопрос о первых итогах введения семичасового рабочего дня, предложил Наркомтруду, ВСНХ и ВЦСПС провести в жизнь постановление законодательных органов об освобождении беременных и кормящих женщин от работы в ночной смене на предприятиях, переведенных и переводимых на семичасовой рабочий день. Достижение равноправия, необходимого в целях обеспечения индустриализации кадрами, осуществлялось посредством повышения квалификации и применения женского труда в нетрадиционных для него сферах, таких, как большинство отраслей тяжелой промышленности.

Широкое вовлечение женской рабочей силы в промышленность началось после выхода постановления СНК РСФСР «Об использовании женского труда на производстве, в государственном и кооперативном аппарате» 8 декабря 1930 г. и постановления Наркомата труда СССР «Об использовании женского труда в промышленности, в государственном и кооперативном аппаратах» 19 мая 1931 г. В 1932 г. Наркомат труда разработал новое законодательство по охране труда, согласно которому было сокращено число «неженских профессий». Рассуждения о связи между вовлечением женщины в производство и ухудшением ее здоровья были названы «оппортунистической теорией»⁶⁵.

В 1930-е гг. миллионы женщин становятся трудовым резервом индустриализации — они идут на «стройки пятилетки», темпы роста женской рабочей силы опережают мужскую, чему способствуют и политические репрессии, затрагивающие по преимуществу кадры из числа мужчин. В результате женщины не просто получают

⁶⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 102–103; 144–145.

⁶⁵ Морозова Ю. Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 281–297.

доступ к профессиям — они активно принимаются на прежде чисто мужские должности и производства, получают возможность для быстрого карьерного роста, заполняя все увеличивающиеся вакансии, причем как в городе, так и на селе. Но, по образному выражению М. Бакли, идеологический прожектор высвечивал их коллективные достижения, но не проблемы, с которыми они сталкивались⁶⁶.

Неравноправное положение женщин на производстве сохранялось, по отношению к ним применялся двойной стандарт: с одной стороны, провозглашалось, что вовлекать женщин в производство необходимо, а с другой стороны, оказывалось, что дальше тяжелых, неквалифицированных работ женщину не допускали. Преодолению недоверия к женской рабочей силе, вовлечению ее в производство способствовали проведенные по инициативе Наркомата труда РСФСР и широко популяризованные исследования, которые показали, что производительность женского труда при равных условиях в ряде случаев даже выше, чем у мужчин. Вскоре женщина у станка стала выглядеть «нормальным» явлением, появились женщины-инженеры, техники, мастера, но квалификация основной массы рабочих, особенно женщин, продолжала оставаться низкой. Зарботок стахановок был выше по сравнению с другими работницами, однако, инфляция и задержки зарплаты фактически свела этот рост на нет, уровень жизни работниц в 1930-х гг. оставался очень низким.

Товарный дефицит, низкое качество социальных услуг, при сохранении традиционных гендерных ролей, вели к усилению трудовой нагрузки на женское население в большей степени, чем на мужское⁶⁷. Постоянные призывы к улучшению бытового обслуживания трудящихся женщин, широкому использованию самодеятельности трудящихся в строительстве детских учреждений, столовых, прачечных, постановления ЦК ВКП(б) и решения всероссийских совещаний в конце 1920-х — 1930-х гг. об организации массовых форм ясельного обслуживания указывают на остроту и нерешенность этой проблемы.

Высокая потребность государства в женском производительном и репродуктивном труде, а также социальные и материальные условия (миллионы бездомных детей, слабо финансируемая система детских домов, рост подростковой преступности и распространившаяся безответственность отцов) побудили политику восстановления более традиционной модели семьи и материнства⁶⁸. В 1920–30-е гг. почти во всех развитых индустриальных странах Европы и Америки усиливалась идеология, «согласно которой материнство признавалось высшим призванием каждой женщины и ее национальным долгом... Уникальность же советского варианта состояла в том, что ...нуждаясь, как никогда, в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины и в сфере воспроизводства»⁶⁹. Беременность и материнство в этот период трактуются как производительная деятельность наряду с другими работами.

⁶⁶ Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. N. Y.; L., 1989. P. 113.

⁶⁷ Морозова Ю. Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 281–297.

⁶⁸ См.: Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, 1993.

⁶⁹ Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // *Гендерные исследования*. 2004. № 12. С. 134.

Эта политика имела свое научное обоснование. В 1934 г. советское правительство инициировало обширное демографическое исследование, которое выявило стойкое падение рождаемости в стране, связанное с урбанизацией и вовлечением женщин в промышленную рабочую силу — тенденциями, которые должны были продолжиться с продолжением индустриализации⁷⁰. Кроме того, исследования показали, что социальные группы с более высокой зарплатой имели более низкую рождаемость. Эти открытия противоречили более ранним предположениям о том, что уровень рождаемости может расти с улучшением материальных условий. Делался вывод, что низкий уровень рождаемости является результатом выбора женщин в пользу аборт — тех женщин, которые, казалось бы, могли бы позволить себе иметь детей, но, как полагали чиновники, решили не заводить их из-за личных эгоистических соображений⁷¹.

«Объявляя рождение детей делом максимально естественным, данным женщине самой природой, власть получала возможность эксплуатировать женскую репродуктивную сферу, не предлагая компенсации и не уменьшая нагрузку женщины на производстве»⁷².

В этот период удалось предоставить населению некоторые из обещанных благ, в отличие от периода военного коммунизма, когда советское государство обещало народу намного больше, чем могло дать⁷³. Успешное выполнение первого пятилетнего плана означало, что увеличилось число людей, подлежащих страхованию: от 10,8 млн. в 1928 г. до 25,6 млн. в 1936 г. и 31,2 млн. в 1940 г.⁷⁴ Вместе с тем упомянутые все это касалось преимущественно городского населения, а в отношении наиболее многочисленных в то время сельских жителей эти функции осуществлялись в весьма урезанном виде, колхозники по-прежнему полагались на артели и общества взаимопомощи.

Что касается городского населения, то здесь цель производственной дисциплины оправдывала жесткие средства государственной политики модернизации. Были внедрены новые дисциплинарные формы, которые требовали интернализации фиксированных стандартов гигиены, движений и диеты⁷⁵. Система моральных регламентов была частью механизма управления, способствуя повышению производительности труда.

ВЫВОДЫ

Конфликтная природа представлений о приоритетах и стратегиях социального развития отразилась в социальном законодательстве, идеологии и реалиях социалистических проектов по формированию нового советского человека, образа жизни, системы ориентиров повседневной жизни. По сути, речь идет о процессах производства нормы,

⁷⁰ *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде // Проблемы экономики труда. М., 1957.

⁷¹ См.: *Hoffmann D. L.* Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in its Pan-European Context // *Journal of Social History*. Fall. 2000. Pp. 35–54.

⁷² *Черняева Н.* Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // *Гендерные исследования*. 2004. № 12. С. 135.

⁷³ *Madison B.* Contributions and Problems of Soviet Welfare Institutions // *Social Problems*. Vol. 7. № 4. Symposium on Social Problems in the Soviet Union (Spring, 1960). P. 298–307.

⁷⁴ *George V., Manning N.* Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. P. 41.

⁷⁵ *Damkjaer S.* The Body and Cultural Transition in Russia // *Soviet Civilization between Past and Present* / Ed. by M. Bryld and E. Kulavig. Odense University Press, 1998. P. 119–120.

болезненной выработки консенсуса по поводу определений социальных проблем, их причин или виновников, проведения водораздела между своими и чужими, правильными и теми, кого необходимо было исправить. И хотя в центре внимания государства и общества всегда находился труд, форматы его вознаграждения, регулирования и санкционирования отклонения постоянно менялись. Ядро ценностей новой социалистической культуры заботы и контроля в самом начале составлялось из элементов многообразных и разноречивых, но противопоставленных дореволюционным традициям. Но уже в 1930-е гг. происходит реставрация консервативной, хотя и модернизированной идеологии, а вектор социальной политики склоняется к полюсу контроля, принимающего все более жесткий характер.

В Советской России с 1917 г. вплоть до начала Второй мировой войны предпринимается широкая палитра мер, при помощи которых большевики стремились завоевать лояльность населения в условиях жесткой ограниченности ресурсов и тяжелых последствий войны и стихийных бедствий.

Советская социальная политика развивалась по сценарию, достаточно типичному для капитализма той эпохи: в 1920–30-е гг. во многих индустриально развитых странах осуществлялось широкое вмешательство правительства в экономику. Однако, будучи капиталистической по характеру применяемых средств, государственно-бюрократическая модернизация в СССР обеспечила экономический рост на фоне социалистической риторики своих целей и в условиях полной национализации производства и распределения.

Преимуществом новой власти стала легитимация деятельности от противного — всем без исключения проблемам присваивался статус пережитков царизма и капитализма, тяжкого наследия прошлого, для преодоления которого необходимо лишь изменить характер собственности («освободить труд») и (пере-)воспитать человека, направить массы, добиться становления нового этоса. Государство большевиков словно писало историю с чистого листа, решительно сняв с себя и возложив на царский режим всю ответственность за проблемы, в том числе социальные — голод, безработицу, проституцию, сиротство, инвалидность, неравенство.

Хотя в течение первого десятилетия советской власти цели социальной политики управлялись эгалитарной идеологией, на практике такую универалистскую политику было трудно реализовать из-за отсутствия необходимых ресурсов, и равенство прав было доступно лишь трудящимся, а именно рабочим и служащим предприятий. Большинство же населения — самозанятые ремесленники или крестьяне — могли присоединяться к специальным обществам взаимопомощи, которые пополнялись различными и совершенно неадекватными способами, в том числе собственными взносами. По экономическим и идеологическим причинам выплата пособий трудящимся была дифференцирована, что вело к появлению новых форм социального неравенства, особенно в начале 1920-х гг., когда безработица была особенно сильной.

В отсутствие адекватных ресурсов для решения широкого круга социальных проблем правительство делает ставку на спорадические усилия в привлечении внимания населения к той или иной важной задаче. Режим трудового дня, питания и отдыха, репродуктивное поведение и сексуальная жизнь — все подчинялось экономическим и идеологическим требованиям конкретного периода в развитии советского государства.

Социальные классификации «наш/не наш» с 1920-х гг. касались политических режимов, практик, социальных групп и индивидов, а в ситуации жесткого отбора достойных помощи, поддержки, жилплощади, работы вновь становились основанием для текучей, меняющейся самоидентификации. Акцент на коллективности и коммунальности является отличительной характеристикой советской социальной политики. Общественно-полезный труд и общественная работа стали пролегоменами социальной работы. Инфраструктура учреждений социального обеспечения, образования, здравоохранения дополнялась общественными организациями предприятий, школ и другими объединениями граждан, осуществлявших заботу и контроль. Через сферу частной жизни социальный контроль пропитывал текстуру советского общества.

Идеология модернизации пронизывает общественно-политическую риторику того времени. Марксистское понимание социальных проблем, укорененных в социальном неравенстве, и принцип самодеятельности масс вылились в стремлении преодолеть все трудности путем мобилизации общественных ресурсов (концепции социального материнства, общественности и коллективистского воспитания, общественно-полезного труда, общественной работы). Эти концепции дополнялись идеологией научного, рационального управления обществом и индивидом, отсюда — парадигмы социальной гигиены и социальной инженерии, охватившие умы партийного руководства, интеллектуалов и воплотившиеся в мироустройстве обывателя, повседневной жизни людей, которая должна была строиться вокруг «сознательной культурной оси».

Между социалистической риторикой эмансипации, равенства и народной демократии, с одной стороны, и практикой воплощения этих принципов, с другой стороны, существовал значительный разрыв. Представления о социально одобряемой норме и так называемых «социальных болезнях», а также патологиях и аномалиях в начале рассматриваемого этапа являлись предметом ценностного конфликта, подвергались дебатам и переосмыслению, а в период «великого перелома» в их отношении был выработан относительный консенсус. Приоритеты социальной защиты определялись стратегическими целями экономики, поэтому индивидуальное право на социальное обеспечение и услуги находилось под влиянием трудовой биографии и политических взглядов. При этом трудовая дисциплина и интенсификация занятости в промышленности отражались и на семье, и на системе образования. Ориентиры в направлении скорейшей индустриализации вели к изменениям не только в трудовых, но и в семейных отношениях. Вектор социальной политики все более склонялся в сторону контроля, нередко в формате диктата и даже террора.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- Заболотная
Лилия Павловна — кандидат исторических наук, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы
- Дадыкина
Маргарита Михайловна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский технологический университет растительных полимеров, margaret15@mail.ru
- Жуковская
Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, tzhukovskaya@yandex.ru
- Илюха
Ольга Павловна — кандидат исторических наук, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, iljuha@krc.karelia.ru
- Морозов
Константин Николаевич — доктор исторических наук, Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», профессор кафедры истории России Нового времени РГГУ
- Морозова
Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, Международный университет в Москве
- Беседина
Елена Анатольевна — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, besedina70@mail.ru
- Цыбулькикова
Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, Армавирский государственный педуниверситет, anastasia1708@rambler.ru
- Новикова
Наталья Валентиновна — кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет, ntlnvkv@mail.ru
- Сулейманова
Рима Нугамановна — кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН (г. Уфа)
- Киселева
Екатерина Львовна — Государственный архив Российской Федерации
- Журавлев
Сергей Владимирович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- Д-р Гронов
Юкка — профессор социологии Университета г. Упсала (Швеция).

- Романов
Павел Васильевич — профессор Государственного университета — Высшей Школы экономики; доктор социологических наук, Центр социальной политики и гендерных исследований, romanov@jsps.ru
- Ярская-Смирнова
Елена Ростиславовна — профессор Государственного университета — Высшей Школы экономики; доктор социологических наук, Саратовский государственный технический университет, iarskaia@jsps.ru
- Смирнова
Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, tmsmirnova@mail.ru
- Д-р Лейнарте
Даля — Вильнюсский университет (Литва), dalia.marcinkeviciene@cr.vu.lt
- Жидкова
Елена Михайловна — Музей «Самара Космическая», zhidkova@ssu.samara.ru
- Д-р Линденмейр
Адель — профессор истории, Университет Вилланова, Пенсильвания (США)
- Булдаков
Владимир Прохорович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- Тяжелникова
Виктория Станиславовна — кандидат исторических наук, vtyazhelnikova@hotmail.com
- Д-р Левек
Жан — Университет Квебека, г. Монреаль (Канада)
- Д-р Смит
Кэтлин — Джорджтаунский университет, Вашингтон (США)
- Соломатина
Ирина Витальевна — Европейский гуманитарный университет (Вильнюс-Минск), irasol@nsys.by
- Гусев
Алексей Викторович — кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Новиченко
Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, ino@igh.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Семья в раннее новое время

Л. П. Заболотная

Имели ли женщины право на развод в Молдове XVI–XVII вв. ?	9
---	---

М. М. Дадыкина

Стратегии наследования имущества как инструмент воспроизводства экономического и социального потенциала семьи и общества в России в раннее новое время.....	23
---	----

Социальная история образования в Российской империи

Т. Н. Жуковская

Петербургский университет первой трети XIX в. в городском пространстве.....	41
---	----

О. П. Илюха

«Учащие»: учитель и учительница в российской деревне в конце XIX — начале XX вв.	68
--	----

«Революционная» повседневность

К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова

Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультуре российского революционера в первой трети XX в.	95
---	----

Е. А. Беседина

Социал-демократическая эмиграция 1905–1907 гг. как пространство революционной повседневности.....	113
--	-----

Женская и гендерная история

А. А. Цыбульникова

«Новые амазонки» из казачьих жёнок (особенности участия кубанских казачек в военных действиях XVIII–XIX вв.).....	147
--	-----

Н. В. Новикова

Вопрос об избирательных правах британских женщин в 1914–1918 годах: проект парламентской реформы и позиция суфражистских обществ.....	162
--	-----

Р. Н. Сулейманова

Общественно-политическая обстановка в Башкортостане в начале XX в. и возникновение первых женских организаций.....	198
---	-----

Социальная история советского периода

Е. Л. Киселева

Борьба с бюрократизмом по-большевистски: чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг.	219
--	-----

С. В. Журавлев, Ю. Гронов

Люди и манекены: отдел мод ГУМа в 1954 — сер. 1970-х гг.....	241
--	-----

Социальная политика и социальная работа

П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова

Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е годы	275
--	-----